

Содержание

К 70-летию Александра Николаевича Мещерякова	
Слово о юбиляре	9
О работах А.Н. Мещерякова	11

Китай и Индия в японской традиции

М.В. Торопыгина

История Ян-гуйфэй в японских текстах XII в.:	
«Тосиёри дзуйно:», «Кондзяку моногатари сю:», «Кара моногатари»	17

Н.Н. Трубникова

Буддизм и японская поэзия в «Собрании песен	
о пробуждении сердца»	32
Собрание песен о пробуждении сердца.	
Перевод и примечания Н.Н. Трубниковой	49

А.М. Горбылёв

Этапы совершенствования мастерства в боевом искусстве	
в трактате «Чудесное искусство кота» (1727 г.). О влиянии	
даосского учения Чжуан-цзы на теорию японских <i>бугэй</i>	78

М.В. Есипова

Небесные музыканты (киннары и калавинки)	
и их музыкальные инструменты в японской иконографии	
(в контексте искусства Южной, Центральной и Восточной Азии)	93

Литература и театр

М.С. Коляда

Многообразие путей: рассказы об искусствах	
в «Беседах о делах старины»	115
Беседы о делах старины. Раздел 6. Избранные рассказы.	
Перевод и примечания М.С. Коляды	
под редакцией Н.Н. Трубниковой	119

Е.М. Дьяконова

Буддийский монах Синкэй (1406–1475) об идеальном поэте	130
Разговоры вполголоса. Избранные главы.	
Перевод и примечания Е.М. Дьяконовой	136

<i>И.В. Мельникова</i>	
Кварталы любви в прозе Ихара Сайкаку.....	146
<i>В.В. Хомченкова</i>	
Театральный, исторический и литературный контексты	
пьесы театра Кабуки «Сибараку»	160
Подождите! Минуточку!	
Перевод и примечания В.В. Хомченковой	165
<i>И.Ю. Борисова</i>	
Литературная теория Ёкомицу Риити	
в контексте русского формализма	188
<i>О.А. Забережная, И.Д. Бурмистров, Д.А. Олейник, А.А. Рублева</i>	
Особенности цветовой характеристики в прозе писателя	
Миядзава Кэндзи	196
<i>А.В. Кудряшова</i>	
Театр Но и Путь Чаю — историко-культурные параллели.....	211

Наука и философия

<i>Д.В. Трухан</i>	
О духах и стихиях: примеры соотнесения	
стихийных бедствий и горё:.....	221
<i>В.С. Фирсова</i>	
Библиотеки, архивы и книжная культура эпохи Эдо	227
<i>М.М. Киктева</i>	
Структура популярных японских энциклопедий	
конца XVIII — начала XIX в.	
на примере «Токай сэцуё: хякацу:» (Осака, 1801 г.)	240
<i>Е.Л. Скворцова</i>	
О категории <i>ваби</i> и философских интерпретациях	
метакатегории <i>Ничто</i> в работах японских мыслителей XX в.	249
<i>А.С. Романенко</i>	
Генезис экзистенциальной философии в Японии	
как «культурный взрыв»	262
<i>С.А. Родин</i>	
«Вредные советы» Мисимы Юкио. Сборник эссе	
«Лекции по аморальному воспитанию»	275

Путешествия реальные и воображаемые

Эннин

Записи о паломничестве в Китай в поисках Закона Будды	
(<i>Нитто: гухо: дзюнрэй ко:ки</i>) Свиток второй.	
Перевод и комментарии Н.В. Власовой.....	293

<i>Е.Б. Сахарова</i>	
Средневековые корейские источники о Японии	305
<i>В.В. Щепкин</i>	
Могами Токунаи и его «Айнские тетради»	317
<i>Могами Токунаи. Айнские тетради (Эдзо со:си).</i>	
<i>Перевод и примечания В.В. Щепкина</i>	319
<i>А.А. Дудко</i>	
Незаконный переход через границу: опыт путешественников эпохи Эдо	334
<i>А.Ю. Борькина</i>	
Пространство сверхъестественного в сочинении Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуруигэ»	341
<i>Дзиппэнся Икку. На своих двоих по тракту То:кайдо:.</i>	
<i>От Хамамацу до Маисака (2,5 ри 12 тё:).</i>	
<i>От Ёккайти до Оивакэ (50 тё:). От Цу: до Мацудзака (5 ри).</i>	
<i>Перевод и примечания А.Ю. Борькиной</i>	350

Россия и Япония

<i>О.В. Климова</i>	
Описание айну и японцев Гавриилом Давыдовым (1807 г.)	359
<i>А.В. Климов</i>	
Сахалин в российско-японских отношениях с 1862 по 1867 г.	370
<i>С.И. Марахонова</i>	
Путеводитель по Японии от С.Г. Елисеева. Начало XX в.	384
<i>М.С. Болошина</i>	
Почтовые марки России в японской культурной рецепции (по материалам журнала «Мадо»)	394

Становление современной Японии: предпринимательство, искусство, быт

<i>В.Ю. Климов</i>	
Архив концерна «Мицуи»	403
<i>К.А. Спицына</i>	
Из истории предпринимательства Японии: мастера-изобретатели эпохи Мэйдзи	421
<i>О.А. Наливайко</i>	
«Модернизация дома начинается с благоустройства кухни!» «Реформа кухни» в Японии в эпоху Мэйдзи.....	433
<i>Е.О. Тягунова</i>	
Зарождение творческой гравюры (со:саку-ханга) в начале XX в.: переход от ремесла к искусству	444

<i>А.Н. Мещеряков</i>	
1937 год в хронике японского тоталитаризма: новости песенного дискурса.....	450
<i>А.А. Фёдорова</i>	
Провинившиеся медиа: дискурс о «перевоспитании» кинематографа и бумажного театра <i>камисибай</i> в Японии 1910–1930-х годов	461
<i>А.П. Беляев</i>	
Айдзу Яити и его взгляды на современное японское письмо.....	476
<i>Айдзу Яити</i> . Современное СЁДО. <i>Перевод и примечания А.П. Беляева</i>	478
<i>Е.Г. Петрова, Мацусима Хадзимэ, А.А. Петрова</i>	
Культурные экосистемные услуги «зеленой инфраструктуры»: опыт Японии	488
Об авторах	501
Abstracts.....	505
Contents	525

К 70-летию Александра Николаевича Мещерякова

Слово о юбиляре

В феврале 2021 г. Александру Николаевичу Мещерякову исполняется 70 лет. Хочется надеяться, что к этой дате читатели уже будут держать в руках очередной выпуск «Истории и культуры Японии» и смогут прочитать эти строки, посвящающие книгу славному юбилею и замечательному юбиляру.

Нужно признаться, что идея преподнести человеку ко дню рождения результат, в значительной мере, его собственных трудов, кажется мне весьма сомнительной, но, как пелось в старинной песне, дорог не подарок, дорога любовь. Вот о любви, воспользовавшись случаем, и поговорим.

В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века всё отечественное востоковедение не сказать, чтобы процветало: десятилетия жестоких гонений в 1930–1940-е годы при самом прочном научном фундаменте не могли не сказаться, исследовательский уровень и, соответственно, качество подготовки молодых ученых неуклонно снижались; старшее поколение покидало научное поприще. Японистика теряла свои позиции как-то особенно зримо; это научное направление возникло в России позже главнейших — китаеведения, арабистики, тюркологии, иранистики, — устойчивая традиция едва складывалась стараниями Н.И. Конрада и его учеников, но сам мэтр, увлекшись идеей «восточного Ренессанса» почти оставил японские штудии, так и не превзойдя себя самого образца 1920-х годов. Невероятный экономический взлет Японии после войны вместе с мировой славой японской культуры — классической и новой литературы, кинематографа, архитектуры и промышленного дизайна, искусства составления букетов и выращивания карликовых деревьев, сам уклад тамошней жизни, в которой сплелись национальное и всемирное, — всё рождало горячий интерес к далеким островам. В 1960–1970-е годы от желающих учить японский язык отбоя не было. Только поехать, как это называлось в достославном московском Институте восточных языков при МГУ, в «страну изучаемого языка» удавалось немногим и по большим праздникам, вроде ЭКСПО-70. В конце 1980-х отправиться в Японию стало несравненно легче; в начале 1990-х мог поехать каждый, кто хотел; российская японистика зримо обезлудела.

Именно тогда, в реальном или кажущемся научно-японистическом безлюдье, А.Н. вышел на дорогу общественного служения: до той поры известный японист, он вдруг (или это непроницательным наблюдателям вроде меня показалось, что «вдруг») объявил о конференции японистов, начал скликать

москвичей и питерцев, ученых из других городов. Постепенно жизнь в японистике сначала затеплилась, потом разгорелась ровным устойчивым научным пламенем, столь плодотворным для всякой науки.

С той поры превосходный ученый сделался прекрасным организатором, потом, когда в нашем тогдашнем Институте восточных культур и античности возникла программа по Японии и появились студенты-японисты, — удивительным преподавателям, наставником, заботливым отцом-командиром.

При всех этих многочисленных заботах А.Н. не уставал исследовать разнообразные японские сюжеты: с завидной непринужденностью переходил от баснословной древности «Кодзики» и «Нихон сёки» к современности эпохи Мэйдзи, Второй мировой войны и проч.; упорно переводил старинные тексты и новейшие сочинения японских писателей; выступал с популярными лекциями о Японии — думаю, мало кто рекрутировал в японистику такое количество молодежи или заинтересовал тянущихся к знанию любителей культурой островной империи.

Нельзя не сказать и о собственном творчестве А.Н.: он автор нескольких стихотворных сборников, романов, воспоминаний; последние мне как прожившему ту же эпоху и примерно в тех же обстоятельствах кажутся особенно замечательными по точности характеристик времени и людей, по несентиментальной поэтичности, зоркости взгляда, даже снисходительности к человеческим слабостям.

Кстати (вернее: некстати) о слабостях. Кому-то наверняка покажется идеализированным набросанный мною *currente calamo* портрет Александра Николаевича. Что тут скажешь? Как всякий человек, А.Н. не лишен слабостей; но пишу-то я не «объективку» для отдела кадров, не приснопамятную характеристику для выезда за границы социалистической родины.

Делателя легко судить и осуждать, он уязвим: непременно совершит промах; вольно или невольно поступит иначе, чем от него ждали; чей-то этический максимализм окажется уязвленным — свободное дело, как говорил Андрей Платонов.

Но я-то, как и обещал в начале этих заметок, говорю о любви; ее А.Н. достоин, как мало кто, а всё прочее, словно горячая приправа, придает этому чувству завершённую полноту.

Японистика как наука и род деятельности, японисты как сообщество благородных профессионалов при всей разности устремлений и мнений, возраста и статуса — уверен, согласятся со мной.

И не только японисты. Весь наш Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ, как прежний ИВКА РГГУ, ощущает важность присутствия в своих стенах Александра Николаевича Мещерякова, человека, ученого, преподавателя — и быть по сему еще многие лета.

А что до пожелания юбиляру, то лучшего, чем совет Конфуция «после семидесяти следовать желаниям сердца, но не преступать меры», — на мой китайский вкус и не придумать.

О работах А.Н. Мещерякова

В отечественном японоведении нет такого жанра, в каком не работал бы А.Н. Мещеряков. Это переводы классических памятников от древности до эпохи Токугава — как научные с обстоятельным комментарием, так и переводы «для чтения», понятные не только для специалистов. Это и переводы современной прозы и поэзии. Это книги-исследования, учебники, разделы в учебниках, книги очерков из истории японской культуры для широкого круга читателей. Это сотни статей в научных журналах и сборниках, в научно-популярных изданиях. Часто А.Н. Мещеряков выступает с видеолекциями, беседами на радио, снабжает разнообразными материалами сетевые просветительские проекты. По-настоящему глубокое владение темой позволяет изложить ее для любого круга читателей и слушателей, в том числе для совсем неподготовленных — эта установка в научной работе А.Н. Мещерякова прослеживается постоянно и объединяет его с самыми выдающимися учеными России и прошлых лет, и нынешних.

Японская культура до 1970-х годов, когда вышли первые публикации А.Н. Мещерякова, у нас была известна лишь фрагментами. Несколько блестяще изученных эпизодов из ее истории, несколько замечательных переводов литературных памятников, но между ними — пустыня, лишь очень условно размеченная краткими обзорными работами. Культура Японии для нынешнего российского читателя стала территорией гораздо более обжитой, из экзотической и загадочной стала еще одной из культур мира, с чьим опытом возможно — и полезно — сравнивать собственный опыт. Связность исследований возросла многократно: берясь почти за любую новую тему, японовед уже видит по соседству вешки, расставленные коллегами. Наверное, так и должно было стать просто по мере накопления материала. Но если сравнивать японоведение наше и, скажем, европейское или тем более американское, то материала на самом деле набрано не так много, чтобы пробелы и пустоты заполнились просто по мере освоения частных, конкретных тем. Да и самих исследователей и научных коллективов, занятых японской историей и культурой, у нас, конечно, намного меньше. И все же целостная картина выстроена, и это — заслуга Александра Николаевича и его поколения японоведов.

Образцом для коллег на много лет вперед стала работа, сделанная в области изучения японской древности: на сегодня именно древний материал в нашем японоведении охвачен полнее всего. Здесь прежде всего следует назвать переводы мифолого-летописных сводов VIII в., которые А.Н. Мещеряков подготовил в соавторстве с коллегами: вместе с Л.М. Ермаковой они продолжили работу над «Кодзики», начатую Е.М. Пинус (год публикации — 1994), а затем выпустили и «Нихон сёки» (в 1997 г.); недавно этот ряд продолжила хроника «Сёку нихонги» (2018 г.). Отрывки из летописей переводились не раз, для разных нужд, но полный перевод, по моему опыту, исключительно точен и универсален, подходит для цитирования в тех многообразных контекстах, в каких японские авторы позднейших веков цитируют древние летописи. Из переводов других памятников древней словесности у А.Н. Мещерякова первой вышла в свет под-

борка буддийских поучительных рассказов *сэцува* «Японские легенды о чудесах» (1984 г.). Затем в 1995 г. был издан полный перевод «*Нихон рё:ики*», самого раннего из сборников таких рассказов. В 1993 г. в составе тома «Буддизм в Японии» опубликована храмовая хроника «*Ганго:дзи гаран энги*» и несколько других текстов в переводах А.Н. Мещерякова. Начиная со второй половины 1990-х годов младшие коллеги Александра Николаевича — Е.Б. Сахарова и С.А. Родин — продолжили работу над памятниками японской древней словесности. Монография А.Н. Мещерякова «Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма» (1987 г.) и книга очерков «Герои, творцы и хранители японской старины» (1988 г.) в свое время получили признание далеко за пределами японоведческого сообщества. А для моего поколения, для тех, кто начинал учить японский язык в середине 1980-х, эти две книги стали увлекательным введением в специальность, подготовкой к чтению более трудных работ Л.М. Ермаковой, А.Н. Игнатовича, Н.А. Иофан и других. Множество изданий выдержал потом учебник «История Древней Японии» (в соавторстве с М.В. Грачёвым, 2002 г.), студенты-японисты по нему не только учат историю, но и осваивают тот список вопросов, на которые — применительно к другим эпохам и к более частным случаям — должно ответить историческое исследование.

Здесь мне хотелось бы сказать о другой важной стороне работы А.Н. Мещерякова. Это семинар японоведов: он собирается уже много десятков лет, начинался как домашний, потом продолжился в РГГУ и теперь действует под началом Института классического Востока и Античности НИУ ВШЭ. Основная его задача — дать слово коллегам из разных областей японоведения в формате более развернутом, чем обычный доклад на научной конференции, а с другой стороны, менее строгом, допускающем свободный обмен мнениями, любые вопросы — от специально-научных до ученических. Самые простые, на первый взгляд, и они же самые трудные вопросы на семинаре всегда задает сам Александр Николаевич. Его способ ведения заседаний помогает включиться в беседу всем, в том числе и студентам, и тем из старших коллег, кто обычно избегает высказываться не по своей специальности. Именно этот семинар помог многим японоведам выработать стиль научной речи: говорить и писать без ложного наукообразия и экзотизмов, внятно и по делу.

В гуманитарных науках исследователь не может отстраненно, незаинтересованно подходить к изучаемому предмету: без интереса не будет и смысла работать. Для книг и статей А.Н. Мещерякова «актуальность исследования» — не вводный параграф во исполнение академических требований, а такая постановка задачи, что встраивает каждую работу в два контекста: научный и общественный. Для книги «Древняя Япония: культура и текст» (1991 г.) и статей 1980-х и первой половины 1990-х насущным вопросом было понимание культуры как «информационного процесса». А.Н. Мещеряков на японском материале разобрал такие проблемы, как объем и состав сведений, имеющих хождение в ту или иную эпоху, принципы отбора сведений «полезных и вредных», «нужных и избыточных», способы принятия решений — и научных, и политических — в условиях принципиально недостаточной, а часто еще и искусственно ограничиваемой информации. В позднесоветское время и работа ученого, и жизнь любого

человека, заинтересованного в чем-либо из происходящего вокруг, позволяли очень отчетливо почувствовать, что такое нехватка доступной информации. И та информация, с которой хотелось бы познакомиться, и собственная, которой хотелось бы поделиться, ограничены были жесткими рамками — идеологии, общего дефицита, порой совсем не объяснимых запретов в каждой отдельной библиотеке, издательстве, журнале. А потом, с конца 1980-х, хлынул поток информации прежде немыслимой силы, и разобраться в нем оказалось нелегко. Тем важнее было понять, как с похожими трудностями справлялись жители островной Японии во времена ее открытости и закрытости для внешнего мира.

Много ли сведений нужно, чтобы понять памятник иной культуры? И уровень, и способ понимания, разумеется, могут быть очень и очень разными, углубляться в любой текст можно бесконечно. Исследователю, а тем более переводчику приходится самому ставить некий предел. Несколько классических произведений японской литературы в переводах А.Н. Мещерякова представлены по возможности так, как если бы они были написаны в том числе и для сегодняшнего читателя: без обширного комментария, без нагромождения японских терминов, но при строгой верности главной мысли автора. Назову лишь несколько переводов: «Дневник Мурасаки Сикибу» (1999 г.), «Записки на досуге» Ёсида Канэёси (2009 г.), «Рассказы на ладони» Кавабата Ясунари (2005 г.). И говоря о переводах, не могу не сказать о тех книгах, которые вышли под редакцией А.Н. Мещерякова. Хотя, по свидетельству многих мастеров перевода, редактировать чужой перевод многократно труднее, чем сделать собственный, Александр Николаевич этой работе уделяет много времени и внимания. Таковы «Рассказы, собранные в Удзи» (2019 г., перевод Г.Г. Свиридова, отредактированный и изданный через много лет после кончины переводчика), «Собрание песка и камней» (2017 г., мой перевод, выправленный с великим терпением), трехтомный роман «Столица в огне» Кага Отохико (2020 г., работа большого коллектива переводчиков, которую А.Н. Мещеряков не просто редактировал, но еще и свел в единое целое).

Тема человеческой жизни в пору больших общественных перемен стала главной для работ А.Н. Мещерякова конца 1990-х и начала 2000-х. Они строятся вокруг революции Мэйдзи, открытия Японии большому миру, начала всеобъемлющих реформ. Множество статей, а также книга «Император Мэйдзи и его Япония» (2006 г.), удостоенная премии «Просветитель», помимо собственно исторического и историко-культурного содержания важны еще и тем, что делают существенную поправку ко многим оценкам японской культуры, устоявшимся в японоведении. А.Н. Мещеряков показывает, в каких условиях, под каким идеологическим давлением возникали те концепции японских исследователей, которые в конце XIX — начале XX в. были усвоены зарубежной наукой, в том числе и нашей отечественной, и до сих пор часто воспроизводятся как якобы «объективные», отражающие действительное положение вещей. Оценки эти касаются и расстановки рангов — что «важно», а что «второстепенно» в наследии японских писателей, поэтов, мыслителей, художников, — и вычленения тех черт, которыми Япония будто бы отличается от всех других стран мира, не важно, в лучшую или в худшую сторону. Просвещение истоков подобных кон-

цепций А.Н. Мещеряков продолжает в публикациях конца 2010-х годов по теме учений о самобытности «японского народа», *нихондзинрон*.

Вообще одно из замечательных качеств исследований А.Н. Мещерякова состоит в том, что давние темы не уходят из поля зрения, продолжают, постоянно пополняются новыми разделами. Например, одна из самых известных и особенно часто переиздаваемых его работ — это «Книга японских символов» (первое издание — 2003 г., шестое — 2013 г.), собрание очерков о разных сторонах японской культуры, включая быт, повседневную жизнь разных эпох и разных слоев общества. Новые тексты в дополнение к этому собранию А.Н. Мещеряков публикует постоянно, в самых разных изданиях, от «Вопросов философии» до «Теории моды». И как раз из таких предельно конкретных исследований вырастают всеобъемлющие по охвату работы: «Стать японцем. Топография тела и его приключения» (2012 г.) и «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения» (2014 г.). Обе они — новаторские для нашего японоведения. Первая посвящена в целом мало разработанной в отечественной науке теме «тела в культуре», различным путям осмысления телесного опыта человека, ответам на вопросы, кому «принадлежит» тело (самому человеку, родителям, государству), каким тело «должно быть», каковы мерки красоты и безобразия, здоровья и болезни, молодости и старости и т.д. В книгу «Стать японцем...» вошел очерк японской культуры эпохи Токугава, и к нему примыкает книга переводов: «Кайбара Экикэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкэн. Мешок премудростей горожанину в помощь» (2017 г.) — мудрых и простых рассуждений о жизни среди людей и среди книг, о труде и праздности и многом другом.

«Terra Nipponica» открывает такое направление исследований, как «миры» японской культуры: образы собственной страны, отдельных регионов на ее территории и периодов в ее истории, придуманные в разных сообществах с различными целями — рядом с наблюдаемой картиной современной им Японии, или поверх этой картины, или вместо нее. Исключительно емкое при небольшом объеме описание одного из таких «миров» (или нескольких, связанных между собою) дает книга 2010 г. «Гора Фудзи: между землей и небом»: гора поэтов, гора паломников, гора западных путешественников, гора как повод для гордости и как источник опасности — и Фудзи как таковая в соизмерении со всеми этими воображаемыми горами.

В заключение скажу о книге А.Н. Мещерякова, самой важной для меня: «Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма» (2009 г.). В ней речь идет не только о Японии первой половины XX в., не только о сходстве и различиях между разными тоталитарными режимами прошлого столетия, но и о том, как вырастает и как погибает античеловеческая идеология, какую роль в ее становлении играют — помимо прочего — благие намерения ученых и философов, откуда люди берут силы противостоять ей. Как показывает эта книга, в историческом исследовании — как в жизни, есть место и ненависти, и скорби, и любви, если только ведется оно с полной научной честностью. Этот урок Александра Николаевича для меня особенно дорог.

Н.Н. Трубникова

КИТАЙ И ИНДИЯ
В ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИИ

История Ян-гуйфэй в японских текстах XII в.: «Тосиёри дзуйно:», «Кондзяку моногатари сю:», «Кара моногатари»

М.В. Торопыгина

Япония познакомилась с творчеством китайского поэта Бо Цзюй-и (772–846) еще при его жизни. Особенно часто в ранних японских текстах упоминаются «новые юэфу» и поэма «*Чан хэнь гэ*» («Вечная печаль»). «Вечная печаль» рассказывает о любви китайского императора Сюань-цзуна и его «драгоценной наложницы» Ян-гуйфэй, ее гибели, его неизбывной тоске, путешествии даоса на остров бессмертных для встречи с Ян-гуйфэй. Историю полюбили в Японии, поэму читали по-китайски, на темы, взятые из поэмы, сочиняли стихи на китайском и японском языках, рисовали ширмы и свитки, аллюзии на это произведение есть во многих японских произведениях. В XII в. историю Ян-гуйфэй стали рассказывать по-японски. Двумя первыми текстами, в которых она появилась в переложении на японский язык, были «*Тосиёри дзуйно:*» («Поэтическое руководство Тосиёри») и «*Кондзяку моногатари сю:*» («Собрание стародавних повестей»). Анализ текстов показывает их связь: видимо, автор «*Кондзяку моногатари сю:*» пользовался текстом «*Тосиёри дзуйно:*»; в то же время тексты не идентичны. Самая подробная история о Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй помещена в «*Кара моногатари*» («Рассказы о Китае»), небольшом сборнике *сэцува*. Все три пересказа – составная часть памятников, а не отдельные произведения, поэтому интерпретация истории во многом зависит от задач, определяемых жанровой принадлежностью памятника и конкретных обстоятельств его появления. Каждый из текстов имеет свои особенности, отличающие их друг от друга и от китайских источников, как, например, положительная трактовка образа Ань Лушаня в «*Тосиёри дзуйно:*» и «*Кондзяку моногатари сю:*» или буддийская концовка истории в «*Кара моногатари*». В приложении к статье дается перевод отрывков о Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй из «*Тосиёри дзуйно:*» и «*Кондзяку моногатари сю:*».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: средневековая японская литература, китайская поэзия, Бо Цзюй-и, «*Тосиёри дзуйно:*», «*Кондзяку моногатари сю:*», «*Кара моногатари*», *сэцува*, литературный источник, вака.

Китайская красавица Ян-гуйфэй относится к числу таких персонажей, образ которых сложился в первую очередь не по историческим документам, а по литературе. Произведение, в котором дана самая романтическая трактовка взаимоотношений императора Сюань-цзуна и его «драгоценной наложни-

цы» (*гуйфэй*) из рода Ян, — это поэма знаменитого китайского поэта эпохи Тан (618–907) Бо Цзюй-и «*Чан хэнь гэ*» (長恨歌, яп. «*Тё:гонка*»), вошедшая и в русскую литературу в мастерском переводе Л.З. Эйдлина под названием «Вечная печаль» [Бо Цзюй-и, 1978].

Первая книга со стихотворениями Бо Цзюй-и появилась в Японии в 838 г., то есть еще при жизни поэта. Для японцев это было знакомство с творчеством современного, признанного на родине китайского автора. Стихотворения Бо Цзюй-и мгновенно стали известны в среде японских аристократов, ему подражали, сочиняя китайские стихотворения *канси* 漢詩, строчки из сочинений Бо Цзюй-и становились темами для японских песен *вака* 和歌. Особенно любимы японцами были «Новые юэфу» (新樂府, «*Синь юэфу*», яп. «*Сингафу*»)¹ и «Вечная печаль».

«Вечная печаль» рассказывает историю любви между императором Сюань-цзуну и Ян-гуйфэй. Сюань-цзун так полюбил свою наложницу, что совершенно отстранился от государственных дел, что привело к недовольству в стране. Ань Лу-шань поднял мятеж и пошел со своим войском на столицу. Император был вынужден бежать. Верные ему войска потребовали смерти Ян-гуйфэй. Ян-гуйфэй погибла, а Сюань-цзун стал томиться вечной печалью, воспоминаниями о любимой. Последняя часть поэмы рассказывает о том, как даос, владеющий сверхъестественными умениями, посещает Ян-гуйфэй на острове бессмертных, и через него император и наложница дают понять друг другу, что их любовь по-прежнему жива.

Масако Накагава Грэхэм (Masako Nakagawa Graham) пишет: «В период Хэйан японцы познакомились с “Вечной печалью” как минимум тремя способами: через оригинальный китайский текст, через живопись на темы поэмы и через японские переводы, как поэтические, так и прозаические» [Graham, 1987, p. 85].

Упоминание поэмы, красавицы Ян-гуйфэй, аллюзии на эту историю можно найти во многих, в том числе и достаточно ранних текстах на японском языке, однако особую роль в распространении легенды сыграло то, что Ян-гуйфэй присутствует на страницах «*Гэндзи моногатари*» (源氏物語, «Повесть о Гэндзи») Мурасаки Сикибу (978–1014). Этот вопрос достаточно полно освещается в литературе, в том числе реминисценции на китайскую литературу, в первую очередь на «Вечную печаль», рассматривает И.А. Боронина в книге «Классический японский роман» [Боронина, 1981]. Дэвид Поллак (David Pollack), обсуждая этот вопрос с точки зрения взаимодействия китайского (чужого, привнесенного) и японского (своего) считает, что метод Мурасаки Сикибу состоял в том, чтобы за упоминанием Китая следовало явное предпочтение чего-то японского. «Китай представлен как своего рода сверкающий фон, на котором возникает образец вполне естественной японской чувствительности» [Pollack, 1983, p. 363].

¹ «Новые юэфу» — цикл из пятидесяти стихотворений. Они были сочинены автором с целью «выявлять и исправлять пороки века». Несмотря на то что темы бедности, угнетения, народных несчастий не входили в число тем, затрагиваемых японской литературой, «новые юэфу» вызывали в японском обществе большой интерес. О восприятии «новых юэфу» в Японии см.: [Smits, 1997].

История Ян-гуйфэй предстает в романе материалом, хорошо известным читателям (как и героям повествования). Как японский вариант «Вечной печали» построена первая глава произведения — история отношений императора и Кирицубо. В тексте имеются прямые отсылки к истории.

«Столь чрезмерная приверженность Государя этой особе заслуживает порицания, — ворчали, пряча глаза, важные сановники и простые придворные. — Вспомните, именно при подобных обстоятельствах начинались когда-то смуты в Китайской земле».

Скоро ропот пошел по всей Поднебесной, имя этой дамы стало поводом к возмущению, готовы были вспомнить и случай с Ян-гуйфэй, так что горести ее множились с каждым днем, но по-прежнему жила она во Дворце, опору находя в несравненной, поистине необъяснимой благосклонности Государя (пер. Т.Л. Соколовой-Делюсиной) [Мурасаки Сикибу, 1991–1993, с. 7].

Есть в «Гэндзи моногатари» и текстуальные цитаты из китайской поэмы.

На картине лицо Ян-гуйфэй кажется каким-то бесцветным. Как ни славен художник, ее изобразивший, видно, существует все же предел для кисти. Ее сравнивали с цветами фужун на озере Тайи, с ивами Вэйянских дворцов, а здесь привлекает внимание прежде всего великолепие наряда. Государь вспоминает ту, другую, такую кроткую, нежную, — о да, рядом с ней тускнели даже цветы и пение птиц не казалось столь сладостным... По утрам и по вечерам неизменно клялись они друг другу: «Станем птиц неразлучной четой, станем раздвоенной веткой...», но напрасны были все клятвы, она покинула этот мир, и ему оставалось лишь сетовать на судьбу, так рано разлучившую их (пер. Т.Л. Соколовой-Делюсиной) [Там же, с. 14].

В тексте поэмы (пер. Л.З. Эйдлина): «И озерный фужун, как всегда на Тайи, || те же ивы в Вэйянском дворце. || Как лицо ее нежное — белый фужун, || листья ивы — как брови ее [Бо Цзюй-и, 1978, с. 265]; «Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах || птиц четой неразлучной летать. || Так быть вместе навеки, чтоб нам на земле || раздвоенною веткой расти!» [Там же, с. 269].

Текст «Гэндзи моногатари» — проза на японском языке, то есть такое произведение, которое по своей жанровой принадлежности должно было находиться в самом низу иерархической лестницы японской словесности, но по стечению обстоятельств оказалось текстом практически канонизированным в культуре (это произошло в XII в.). История Ян-гуйфэй, как она вычитывается из романа, — история в трактовке Бо Цзюй-и, главное в ней — чувства героев.

Еще одним текстом, который имел огромное значение в истории японской словесности и сыграл важную роль в деле популяризации творчества Бо Цзюй-и, была антология «Вакан ро:эйсю:» (和漢朗詠集, «Собрание японских и китайских стихотворений для декламации»), составленная Фудзивара-но Кинто: (966–1041). В антологию входили строфы из сочинений китайских поэтов, строфы из стихотворений на китайском языке японских поэтов и «японские песни» *вака* (пятистишия) японских поэтов. Всего в антологию входит 588 текстов, из которых 234 вхождения — сочинения китайских поэтов, «китайские» —

это в первую очередь поэты эпохи Тан, а «танские» — прежде всего Бо Цзюй-и, ему принадлежат 135 строк. Правда, из них входящих, связанных с историей Ян-гуйфэй, всего пять, четыре — строки Бо Цзюй-и из «Вечной печали» (по изданию [Вакан ро:эйсю:, 1969] № 234, 780, 781 и 782) и одно — две строки по-китайски японского поэта Минамото-но Ситаго: (911–983).

Стихотворение Минамото-но Ситаго: дает видение того, что в истории особенно волнует японцев: это чувство человека, потерявшего возлюбленную.

250. Пятнадцатая ночь и луна
楊貴妃歸唐帝思。李夫人去漢皇情。

О том, что ушла Ян-гуйфэй,
тоскует танский император.

О том, что скрылась Ли-фужэнь
скорбит ханьский государь.

В «Гэндзи моногатари» уже была сделана попытка дать японскую интерпретацию истории Ян-гуйфэй, дальше появляются и собственно переложения сюжета на японском языке. Первые известные нам переложения на японский язык были выполнены в XII в. Были ли они первыми? Текст, относящийся к XI в., женский дневник «Сарасина никки» (更級日記, в переводе на русский язык И.В. Мельниковой «Одинокая луна в Сарасина») рассказывает следующее:

Я прослышала, что в одной семье есть переделанный на лад повестей свиток «Песни бесконечной тоски», но хотя мне очень хотелось на него взглянуть, я не смела высказать свое желание, только в седьмой день седьмого месяца нашелся повод написать этим людям:

Любовные обеты старины...
Сегодня день особенный, желанный,
Волна Реки Небесной плещет и манит —
Открою вам и я мое желанье
Все знать о клятвах дней былых.

В ответ прислали:

К долине Реки Небесной
И наши сердца влекутся —
Свой обычай мы позабудем
И повесть любви печальной
Нынче тебе откроем (пер. И.В. Мельниковой) [Одинокая луна..., 1999, с. 81].

Текст, о котором идет речь в «Сарасина никки» («переделанный под лад повестей» — *моногатари-ни какитэ*), это, скорее всего, должно было быть прозаическое произведение на японском языке. Однако комментатор издания памятника в серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсю:» Инукаи Киёси не предлагает какого-либо текста-*моногатари*, но предполагает, что это могли быть иллюстрации со стихотворениями, о чем говорится в «Гэндзи моногатари» [Сарасина никки, 1981, с. 306].

В тексте «Гэндзи моногатари» сказано, что государь рассматривает картины, написанные императором Тэйдзи (Уда, 867–931, на престоле 887–897), японские и китайские стихотворения к которым были сочинены Ки-но Цураюки (871?–946?) и поэтессой Исэ (870?–940?) [Мурасаки, 1991–1994, с. 13]. Стихотворений Ки-но Цураюки на темы «Вечной печали» не сохранилось, а стихотворения Исэ известны. Это десять стихотворений, относящихся к жанру *бёбу-ута* (стихотворения для ширм), по «Исэ сю:» (伊勢集 «Собрание Исэ») это стихотворения № 52–61 [Исэ сю:; web; Graham, 1987, p. 86–88]. Известны и другие стихотворения на темы «Вечной печали». Целый цикл стихотворений, где темой каждого произведения служит строка из «Вечной печали», был написан поэтом Фудзивара-но Такато: (949–1013). Большинство его стихотворений написаны от лица тоскующего по своей погибшей возлюбленной Сюань-цзуна [Морисита, 2006, с. 20–23].

Поскольку никаких подробностей о тексте (кроме того, что это *моногатари* на тему поэмы Бо Цзюй-и) в «Сарасина никки» не дается, возможно, это был китайский текст. В таком случае речь могла идти о новелле литератора Чэнь Хуна «Чан хэнь гэ чжуань» (長恨歌伝, яп. «Тё:гонка дэн», в переводе на русский язык О.Л. Фишман «Повесть о бесконечной тоске» [Чэнь Хун, 1960]). Повесть включает в себя и текст поэмы, то есть является одновременно предисловием к поэме и комментарием к ней. И.А. Алимов замечает, что по мнению некоторых современных китайских исследователей, Бо Цзюй-и сам включил этот текст в свое собрание сочинений, тем самым одобрив его как предисловие к поэме «Вечная печаль» [Алимов, 2017, с. 123]. Прозаические японские тексты XII в. опираются на это произведение, как и на поэму Бо Цзюй-и.

Ранними известными нам текстами, в которых по-японски в прозе излагается легенда о Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй, являются поэтологический трактат Минамото-но Тосиёри (1055–1129) «Тосиёри дзуйно:» (俊賴髓腦 «Поэтическое руководство Тосиёри») и история 10–7 из китайской части «Кондзюку моногатари сю:» (今昔物語集, «Собрание стародавних повестей»), под заголовком «То:-но Гэнсо:-но кисаки Ё:кихи, кими-но тё:-ни ёритэ коросарэтару кото» (唐玄宗后楊貴妃依皇寵被殺語 «О том, как Ян-гуйфэй, наложница Сюань-цзуна, была убита из-за любви императора»). В обоих случаях история Ян-гуйфэй — отрывок текста, а не отдельное произведение, поэтому трактовка сюжета связана с особенностями и задачами памятников, в которые история включена.

Минамото-но Тосиёри — один из самых известных поэтов своего времени, составитель пятой императорской антологии «Кинё: вакасю» (金葉和歌集, «Собрание золотых листьев японских песен»). «Тосиёри дзуйно:» датируется 1114 г. (в литературе датировка колеблется от 1111 до 1115 г.) — текст чрезвычайно популярный как среди современников Тосиёри, так и среди следующих поколений японских поэтов (подробнее см. [Shibayama, 2012, p. 285–321]). Известно, что «Тосиёри дзуйно:» — текст, написанный по заказу. Заказчиком является Фудзивара-но Тададзанэ (藤原忠実, 1078–1162), сочинение предназначалось для дочери Тададзанэ Фудзивара-но Исако/Кунси (藤原勲子, при дворе ее имя было изменено на Фудзивара-но Ясуко/Тайси 藤原泰子, 1094–1155), в будущем жены экс-императора Тоба (鳥羽天皇, 1103–1156, на престоле 1107–1123).

Можно предположить, что хотя текст и предназначался специально для Исако, писал его Тосиёри, имея в виду, что он будет иметь хождение в поэтических кругах. По структуре текст делится на несколько частей и обсуждает многие вопросы, связанные с поэзией *вака*: многообразие стихотворных форм, «болезни» стиха, поэтические темы, поэтическое творчество, поэтическая лексика. Часть текста посвящена легендам и анекдотам, связанным со стихами, эта часть имеет много общего с произведениями жанра *сэцува*.

Если «Тосиёри дзуйно:» датируется довольно точно, то датировка и история создания «Кондзяку моногатари сю:» до сих пор остаются предметом для дискуссии. Характерной чертой средневековой литературы вообще, и жанра *сэцува* в частности является то, что одни и те же сюжеты появляются в разных текстах. В «Тосиёри дзуйно:» и «Кондзяку» довольно много похожих историй. Судзуки Норио дает список из 25 таких сюжетов [Судзуки, 2000, с. 23–24]. Как указывают Н.Н. Трубникова и М.С. Коляда, у исследователей даже возникла версия, что Тосиёри мог быть среди составителей «Кондзяку», однако она не была поддержана [Трубникова, Коляда, 2018, с. 37].

Рассказы о Ян-гуйфэй в «Тосиёри дзуйно:» и в «Кондзяку» связаны, но не идентичны. Из структуры повествования (после того как сказано о смерти императора, история возвращается к тому, как император посетил место, где погибла Ян-гуйфэй), можно предположить, что текст «Кондзяку» основывается на тексте Тосиёри, а не наоборот, поскольку возвращение к началу истории логично для «Тосиёри дзуйно:» и нелогично для «Кондзяку».

Текст Тосиёри поясняет стихотворение Минамото-но Митинари (?–1019), которое дано в начале эпизода.

思ひかね別れし野べをきてみれば浅茅が原に秋風ぞふく
омоиканэ / вакарэси нобэ-о / китэмирэба / асадзи га хара-ни / акикадзэ дзо фуку

Как увижу
Место, где с тобой расстался,
Накатывают воспоминания.
Но лишь осенний ветер
Колышет низкие травы в поле.

В целом отрывок имеет обрамляющую композицию: рассмотрев историю, автор возвращается к началу: «Предполагается, что песня была сочинена как выражение чувств государя, когда он отправился туда, где была убита Ян-гуйфэй, посмотрел — в диком поле под ветром волнами гуляет ковыль, и ему стало горько» [Тосиёри дзуйно:, 1985, с. 244].

Стихотворения Митинари в истории «Кондзяку» не приводится, но после того как история уже рассказана («Государь опечалился еще больше, и уже не мог выносить этих мыслей, не прошло много времени, как он скончался»), текст возвращается к эпизоду посещения Сюань-цзуном места гибели Ян-гуйфэй: «Возвращаясь в мыслях к тому месту, где она была убита, государь отправился туда. Посмотрел: тоской катились волны колышимой ветром травы в диком поле. Что мог чувствовать император в своем сердце! Конечно, он был в печали, так об этом рассказывают» [Кондзяку..., 1959, с. 286].

Комментатор «Тосиёри дзуйно:» (серия «Нихон котэн бунгаку дзэнсю:») Хасимото Фумио в качестве источников данного эпизода называет поэму Бо Цзюй-и и новеллу Чэнь Хуна [Тосиёри дзуйно:, 1985, с. 240]. В качестве источника истории из «Кондзяку моногатари» (серия «Син нихон котэн бунгаку тайкэй») комментатор Коминэ Кадзуаки называет (с некоторой долей неуверенности) историю «Тосиёри дзуйно:» (при общей ориентации на Бо Цзюй-и и Чэнь Хуна) [Кондзяку..., 1999, с. 304]. При этом заметим, что текст этого памятника более подробный, чем текст «Тосиёри дзуйно:», обстоятельнее описаны: поиски наложницы, похожей на прежних возлюбленных императора; мятеж Ань Лушаня; сцена гибели Ян-гуйфэй, — соответственно, текст Тосиёри был не единственным источником истории в «Кондзяку».

Если история, рассказанная Тосиёри, по характеру памятника, может не иметь результирующей, морализаторской части, то для «Кондзяку моногатари сю:» как памятника сэцува такая часть обязательна. Мораль истории «Кондзяку» такова: «Так вот, пусть убив, Ань Лу-шань действовал для того, чтобы исправить положение в стране, и государь тоже понимал это. Люди в старину, будь то государь, будь то министр, знали, что должно, вот как было, так передают». Таким образом, это история о том, что должно и не должно в политической жизни (термин для этого «должного» — *до:ри* 道理) в конфуцианском понимании. Термин *до:ри* употребляется в тексте дважды, первый раз в сцене убийства Ян-гуйфэй: «В этот момент Ян-гуйфэй побежала и скрылась в храме, пытаясь спрятаться в сиянии Будды, но Чэнь Сюань-ли ее заметил, схватил и задушил, обвинив вокруг шеи тонкий шелк. Император видел это, его сердце было разбито, мысли путались, а слезы лились подобно дождю. Он не мог на это смотреть. Однако так было должно (*до:ри*), и он не гневался».

В текстах «Тосиёри дзуйно:» и «Кондзяку» прямого осуждения Ян-гуйфэй не выражено, она пассивна, повествование сосредоточено на чувствах императора, и то, что (по «Тосиёри дзуйно:») «политические дела он переложил на брата этой женщины, человека по имени Ян Го-чжун», происходит без ее участия, и все же ясно, что это она отвлекла императора от государственных дел. Возможно, говоря о тексте Тосиёри, уместно вспомнить, что текст написан для женщины, которой суждено служить во дворце. Можно предположить, что ей следовало воспринимать историю о Ян-гуйфэй, как предостережение от возможных последствий неправильного поведения.

Оба текста говорят о том, что недовольство в стране появляется как раз после того, как Ян Го-чжун начинает заниматься государственными делами. Это соответствует оценке событий в китайских источниках, однако положительная оценка действий Ань Лу-шаня, превращение его в «спасителя страны» — особенность текстов «Тосиёри дзуйно:» и «Кондзяку».

Такэмура Нориюки в небольшой статье, специально посвященной образу Ань Лу-шаня в истории «Кондзяку», высказывает предположение, что такой образ выстраивается из следующего текста новеллы Чэнь Хуна: «В конце годов “Тяньбао” Го-чжун, родной брат Ян Гуй-фэй, благодаря ей пролезший на должность главного советника, распорядился государственными делами как хотел. Тогда наместник пограничных западных областей Ань Лу-шань повел

свои войска против дворцовой знати под предлогом изгнания Ян Гуй-фэй» (пер. О.Л. Фишман) [Чэнь Хун, 1960, с. 187]. Поскольку, считает исследователь, в этом тексте Ян Го-чжун однозначно отрицательный персонаж, и помогшая ему Ян-гуйфэй тоже осуждается, достраивая черно-белую картину, автор и получает образ Ань Лу-шаня, совершающего подвиг спасения страны [Такэмура, 1999].

Еще одно произведение, в котором пересказывается история Ян-гуйфэй, — это история из «*Кара моногатари*» (唐物語, «Рассказы о Китае», история 18, перевод см.: [Торопыгина, 2020]). «*Кара моногатари*» обычно относят к жанру *сэцува*. Текст состоит из 27 историй разного объема (история Ян-гуйфэй самая длинная, занимает четверть всего текста), все истории рассказывают о Китае. На сегодня принятой считается версия, что автор произведения — Фудзивара-но Сигэнори (1135–1187), а время создания — вторая половина XII в., однако атрибуция и датировка остаются под вопросом, см.: [Кара моногатари, 2003; *Kara monogatari*, 1984].

История о Ян-гуйфэй в этом памятнике намного длиннее, более подробна, чем варианты «*Тосиёри дзуйно:*» и «*Кондзяку*». Текст не связан с двумя предыдущими, построен на китайских источниках. Кроме двух произведений, которые используются во всех текстах, — поэмы Бо Цзюй-и и новеллы Чэнь Хуна, используется и дополнительные источники: историческое сочинение «*Цзю Тан шу*» (旧唐書, яп. «*Кутто:дзё*», «Старая история Тан») и новелла Лэ Ши «*Ян Тайчжэнь вайчуань*» (楊太真外伝, яп. «*Ё: Тайсин гайдэн*», «Неофициальная биография Ян Тайчжэнь», в переводе на русский язык А. Рогачева новелла названа «Ян-гуйфэй» [Лэ Ши, 1972]).

Особенностью «*Кара моногатари*» является то, что оно написано «классическим» литературным японским языком (для этого времени «классика» — это в первую очередь «*Гэндзи моногатари*»), для «японизации» текста использованы также японские стихотворения *вака*, что дает основание сравнивать это произведение с *ута-моногатари* (поэтические *моногатари*). В отрывке о Ян-гуйфэй восемь стихотворений.

В тексте «*Кара моногатари*» исследователей особенно привлекает буддийская концовка, добавленная автором к истории. Сама по себе она вполне вписывается в общую буддийскую парадигму литературы этого времени, однако по сравнению со всем остальным памятником, который практически лишен буддийского звучания, этот эпизод своей концовкой выглядит выбивающимся из нарративного ряда.

Интересную гипотезу в связи с этим высказывает Морисита Ё:дзи в статье, посвященной образу Ян-гуйфэй в «*Кара моногатари*». Гипотеза, правда, работает только при условии, что автором произведения действительно является Фудзивара-но Сигэнори. Исследователь исходит из того, что в «*Хэйкэ моногатари*» (平家物語, «Повесть о доме Тайра») есть история, героиней которой является дочь Сигэнори по имени Кого (глава «Кого»). Из-за любви к ней императора ее насильно заставляют принять монашество [Повесть о доме Тайра, 1982, с. 278–284]. Морисита Ё:дзи предполагает, что адресатом необычной для «*Кара моногатари*» концовки рассказа о Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй могла быть дочь автора [Морисита Ё:дзи, 2006].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru